

М.Д. Долганова
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Г.Ю. Карпенко

ЗНАЧЕНИЕ РОМАННОЙ ФОРМЫ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ ЖАНРОВО-СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ЦИКЛА «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА» И.С. ТУРГЕНЕВА

Аннотация. В статье рассматриваются и анализируются рассказы И.С. Тургенева «Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова», вошедшие в цикл «Записки охотника». Цель исследования – выявить потенциальные смысловые возможности романной формы, возникающей в результате проблемно-тематического и сюжетного сопряжения двух рассказов. В работе доказывается тезис о том, что вышеуказанный цикл является более ёмким с содержательной точки зрения жанровым образованием, чем цикл произведений в традиционном понимании, что позволяет «Запискам охотника» преодолеть очерковый характер и стать подлинно художественным произведением, объединяющим как конкретно-исторические реалии, так и метафизические ценности.

Ключевые слова: И.С. Тургенев, «Записки охотника», цикл, рассказ, романная форма.

Цикл – это ряд произведений, объединённых какой-либо общностью: темой, однородным материалом и/или одними и теми же действующими лицами. Л.Е. Ляпина замечает: *«Как бы ни квалифицировать литературный цикл – как жанр, “метажанр” (М.Н. Дарвин), “супержанр” (В.Г. Одинокое), “жанровое образование” (В.А. Сапогов), – очевидна жанрообразующая потенция циклизации и способность цикловых форм в определенных исторических условиях формироваться и развиваться по законам жанра»* [2, с. 40].

Образ рассказчика является одним из важнейших циклообразующих элементов в рассматриваемом нами произведении, однако исследователи по-разному трактуют его. Наиболее интересным нам представляется точка зрения Ю.В. Лебедева, пришедшего к выводу, что *«в тургеневском рассказчике важен не столько неповторимый, личностный облик, сколько другое – его поразительная способность приобщения»* [1, с. 45]. Речь идёт об эпическом созвучии с миром, увиденном рассказчиком, который всякий раз стремится «уйти в тень», устранившись. Именно потому его наблюдательная действительность имеет обратный эффект: *«Читателю кажется, что это сама жизнь совершает перед его глазами возможные превращения»*: возникает

«чудо самодвижения жизни» [1, с. 46]. Таким образом, произведение отражает современную автору действительность во многих её аспектах, в том числе и судьбу русского народа, которому автор уделяет в своём цикле особенное внимание. Большинство героев «Записок охотника», вне зависимости от их социального положения, обладают уникальным качеством: они раскрываются «во всероссийском и общечеловеческом контексте» [3, с. 5]. Сам автор проводит параллель между своими героями и величайшими художниками, мыслителями, преобразователями. Как отмечает В.А. Недзвецкий, причисление Хоря и Калиныча к типам «рационалиста» и «идеалиста», порождаето *«целый рой ассоциаций с общеисторическими лицами. <...> Ведь “рационалистами” по типу миропонимания были <...> Вольтер, Дидро, и русские писатели-классицисты; “человеком положительным” считался и Гете, а к людям чувства, “идеалистам” причисляли и Ж.-Ж. Руссо, и сентименталистов, и романтиков, символом которых стал великий Ф. Шиллер»* [3, с. 6–7].

Другими словами, сам тургеневский герой, может быть, во многом благодаря своей краткости, пунктирности обрисовки, требовал от читателя ассоциативного мышления: непременным условием постижения характера героя являлось прочтение и «расшифровка» метафорических и образно-исторических параллелей. Отметим, что Тургенев при этом не настаивает на конкретности тех или иных сравнений и аллюзий. Так, он изымает из окончательного варианта рассказа «Хорь и Калиныч», вошедшего в отдельное издание «Записок охотника», имевшуюся в журнальной публикации параллель Хоря и Калиныча с Гёте и Шиллером.

Именно эти ассоциативно-смысловые связи, возникающие в тургеневском цикле, создают в восприятии читателя целостный образ народа и даже образ человека вообще. Как справедливо отмечал Ю.В. Лебедев, в «Записках охотника» *«одна судьба цепляется за другую, возникает единая “хоровая” судьба народа в условиях беззаконной крепостнической страны»* [1, с. 67]. Можно также добавить, что эта народная судьба вовлекается и в общую судьбу человечества.

Итак, можно сделать вывод о том, что цикл «Записки охотника» не только детально отражает российскую действительность, показывая судьбу народа и Отечества, но и выходит за пределы одного государства. Цикл как жанровая форма является в этом плане очень ёмким с точки зрения содержания, охвата реальности.

Конечно, цикл рассказов интересен освещением множества аспектов жизни, большого количества тем, которые автор хотел затронуть в «Записках охотника». Каждая его часть может содержать свою идею, свои характеры, даже свою художественную реальность, отличную от реальностей, отражённых в других рассказах цикла. Однако на фоне этих масштабов не всегда удаётся проследить судьбу конкретного человека, становление и развитие его характера.

Здесь стоит особо упомянуть роль романной формы в «Записках охотника» И.С. Тургенева, которая способствует раскрытию конкретных характеров и истории их развития.

Роман обладает такими чертами, как изображение человека в сложных формах жизненного процесса, многолинейность сюжета, охватывающего судьбы ряда действующих лиц. Прослеживая судьбы частных людей, роман воссоздаёт через них панораму современности; действие в романе происходит «здесь» и «сейчас». В романе повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности в процессе её становления и развития.

Все названные черты характерны для произведений из цикла «Записки охотника», в частности для рассказов «Чертопханов и Недопюскин» [4, с. 274–291] и «Конец Чертопханова» [4, с. 292–325]. Они образуют жанровый синтез по принципу дополнительности, так как устремлены к полноте охвата человеческой жизни и судьбы.

В «Чертопханове и Недопюскине» [4, с. 274–291] перед читателем предстают живые образы героев, которые вызывают неподдельный интерес у рассказчика. Персонажи кажутся полными противоположностями друг друга и тем не менее связаны крепкой дружбой.

Сюжет же «Конца Чертопханова» [4, с. 292–325], развивая доминантный мотив судьбы героя предшествующего рассказа, благодаря принципу дополнительности напоминает скорее роман, чем повесть, а тем более рассказ. Действие охватывает длительный промежуток времени, за который перед читателем успевает пронестись ряд ярких взаимосвязанных эпизодов, представляющих элементы единой цепи событий и позволяющих проследить важнейшие этапы жизни главных героев и развитие их характеров. Причем реально-жизненное в судьбе героев соотнесено с метафизическими и даже мистическими смыслами.

Таким образом, мы пришли к выводу, что романная форма цикла переводит его в жанрово-смысловом отношении в более содержательно ёмкое

образование (метаобразование): если роман говорит о жизни, судьбе человека, то цикл – о жизни, судьбе человека, народа и Отечества, о их единстве и о их до конца не разгаданной тайне.

Литература

1. Лебедев Ю.В. У истоков эпоса: Очерковые циклы в русской литературе 1840–60-х годов. Ярославль: ЯГПИ, 1975. 162 с.

1. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе XIX века. СПб.: НИИ химии СПбГУ, 1999. 279 с.

2. Недзвецкий В.А. В мире человечества и природы // Недзвецкий В.А., Пустовойт П.Г., Полтавец Е.Ю. И.С.Тургенев. М., 2000. С. 5–7.

3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 3. Записки охотника, 1847–1874. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом). М.: Наука, 1979. 530 с.

Д.В. Дорошенко
Самарский университет, Самара, Россия
Научный руководитель Е.Н. Сергеева

СМЕРТЬ И ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ В СТИХОТВОРЕНИИ БОРИСА РЫЖЕГО «МЩЕНИЕ АХИЛЛА»

Аннотация. В данной статье исследуются особенности поэтики стихотворения Б. Рыжего «Мщение Ахилла», связанной с темой смерти. Статья основана на детальном анализе стихотворения и его связи с античностью. Основным фокусом рассмотрения в статье является анализ смерти в контексте мести и отношений между героями и автором. Обращается внимание на связь мотива мести и мотива смерти, исследуются моральные аспекты данной темы. В конце статьи делается вывод о том, что смерть и ее образ в поэтическом мире Бориса Рыжего, а в частности, в «Мщении Ахилла», имеют сложную структуру, проявляющуюся в различном к ним отношении Ахилла, лирического героя и автора.

Ключевые слова: Борис Рыжий, поэтика лирического текста, смерть, античные образы, месть, вечность.

Стихотворение Б. Рыжего «Мщение Ахилла» (1996) [4, с. 58] представляет собой обращенный к Ахиллу монолог лирического героя, в котором исследуется напряженность противоречия между жизнью и смертью, героизмом и человечностью.

Композиционно произведение делится на 3 пронумерованные пятистишия, написанные анапестом, рифмический рисунок которых определяется как